

В. Е. Сеземан
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
МАРБУРГСКОЙ ШКОЛЫ¹

I

В исторических судьбах критической философии в последнюю треть XIX века решающую² роль сыграла *Марбургская философская школа* во главе с ее маститым родоначальником *Германом Когеном*. Даже при самом беглом обозрении философской литературы, вышедшей из среды неокантианства наших дней, сразу бросается в глаза характерная особенность этой школы, существенно отличающая ее от всех остальных направлений современного критицизма; одна только Марбургская школа пытается создать путем преобразования и перестройки учения Канта прочно обоснованную и охватывающую все отрасли знания *систему* философии. Особенность эта далеко не случайная; напротив, она коренится в самом существе философского мышления Г. Когена и его последователей. — Систематическая тенденция, несомненно, роднит Марбургскую школу с теми течениями философского умозрения, которые господствовали в учениях ближайших преемников Канта — Фихте, Шеллинга, Гегеля. И здесь и там главной задачей философского творчества провозглашается завершение начатого, но не доведенного Кантом до конца дела: построения на расчищенной крити-

кой почве системы философии. За этим сходством скрывается, однако, не менее существенное различие: спекулятивные увлечения заставили философию романтизма забыть как раз о том мотиве кантовского мышления, ко-

¹ Текст приводится по изданию: *Сеземан В. Э.* Теоретическая философия Марбургской школы // Новые идеи в философии. 1913. № 5. С. 1—34. В статье Сеземан для выделения пользуется разрядкой текста, которая в данной публикации заменена курсивом. Источник любезно предоставлен В. Н. Брюшинкиным. Текст подготовлен к печати В. С. Филимоновой и А. А. Бобровой.

² Мы говорим: *решающую*, но не руководящую роль. Труды Когена долго не находили соответствующего их философскому значению признания. Тем не менее влияние их не замедлило отразиться на направлении мысли некоторых из наиболее выдающихся представителей неокантианства (Ланге, Риль и др.) уже в 70-х и 80-х годах прошлого столетия, когда появились первые труды Г. Когена. Только в последние годы учение его получило более широкую известность в философском мире и добилось, наконец, и в пределах самой Германии заслуженной оценки. Об этом свидетельствуют вышедшие на днях и посвященные Г. Когену по случаю исполнившегося ему семидесятилетия 1) выпуск *Kant-Studien* (В. XVII, Н. 3) и 2) сборник статей его ближайших учеников и сотрудников (*Philosoph. Abhandlungen* Н. Cohen Margebracht. В., 1912).

торый всецело определяет его научный и критический характер: о требовании ориентировать философию на положительной науке. В систематических построениях Фихте, в особенности же Шеллинга и Гегеля, позитивная наука утрачивает всякую самостоятельность; она целиком поглощается диалектическим деспотизмом философии. Философия не довольствуется ролью объединительницы всех научных дисциплин, а вторгается в их внутреннюю жизнь и предугадывает каждой из них ее принципы и методы. Критический идеализм Марбургской школы, напротив, не посягает на автономность положительной науки. Он ограничивается более скромной задачей: раскрытием внутреннего логического единства всех сторон и направлений точного знания. Это значит: он не навязывает единства наукам извне, а черпает логические методы и приемы для его нахождения и установления из их собственных недр. — Итак, ориентирование на науки и стремление к систематическому единству знания — это две руководящие тенденции того направления критического идеализма, которое представляет Марбургская школа. Или вернее: это не две самостоятельные тенденции, а два момента, два аспекта единой самодовлеющей философской идеи. Как, с одной стороны, систематическое единство знания неосуществимо вне ориентирования на науку, так, с другой стороны, и внутренняя структура положительной науки требует для своего завершения логического объединения всех отраслей знания в единство философской системы. Вот — лейтмотив учения Когена и его последователей, которые послужили и нам руководящею нитью в настоящем очерке теоретической философии Марбургской школы.

II

Что же означает это систематическое единство? В конечном итоге всякое философское учение хочет быть системой философии. В чем же отличительная особенность систематизма Марбургской школы? — Ответ на этот вопрос мы найдем, если обратимся к тем произведениям Г. Когена, которые посвящены интерпретации Канта. Уже в первом из них, в «Кантовой теории опыта», рельефно выступает своеобразный характер его концепции критического идеализма и его позиции по отношению к современному кантианству. Традиционное понимание Канта основывается, главным образом, на двух мотивах, которые по существу независимы один от другого и поэтому могут породить из себя два различных направления критической мысли. Один мотив, получивший главенствующее значение в гносеологии Шопенгауэра, — это учение трансцендентальной эстетики об идеальности пространства и времени. Пространство и время суть субъективные формы созерцания. Поскольку же пространственно-временные отношения обуславливают и внешний и внутренний опыт, постольку и весь мир, доступный человеческому опыту, есть не что иное, как представление познающего субъекта. — Вот квинтэссенция того *критического феноменализма*, который благодаря влиянию Шопенгауэра первоначально господствовал во вновь возродившемся во второй половине XIX века кантианстве. Другой мотив, который послужил исходной точкой для второго наиболее влиятельного в современном критицизме направления³ — это учение о категориях («дедукция чистых рассудочных понятий»), т. е. проведенное Кантом разграничение между *априорными*, *рациональными* и *апостериорными*,

³ Виндельбанда, Риккерта и др.

эмпирическими элементами познания. Иначе говоря: между *формой* и *материей* (содержанием) познания.

Коген не примыкает ни к тому, ни к другому направлению. Правда, он не отрицает исторического значения феноменалистической точки зрения для критической философии и отнюдь не отвергает различия априорных и апостериорных факторов знания. Но он считает и тот и другой мотивы второстепенными моментами Кантова учения, которые служат другой, более существенной и принципиальной задачей: *установлению и обоснованию внутреннего систематического единства научного знания*. Эту задачу феноменализм самостоятельно решить не способен. Он выводит структуру знания из духовной организации познающего субъекта, т.е. рассматривает знание прежде всего как психический, совершающийся в сознании процесс и объясняет однородность структуры знания из единства его психологического происхождения. Однако такое генетическое объяснение не в состоянии обеспечить те внутренние логические связи, которые составляют специфическую особенность научного знания, а потому и устанавливаемое им единство познания носит чисто внешний характер, не вырастает органически из объективного состава науки.

Словом, доказательство единства психологического генезиса знания еще не предпрещает вопроса о его логическом и систематическом единстве. — Но и второе из вышеуказанных направлений критицизма не удовлетворяет критерию систематичности. Поскольку оно кладет в основу гносеологии различение формальной и материальной сторон знания, оно насквозь проникнуто дуалистической тенденцией и потому не способно собственными силами, без помощи посторонних предпосылок, ответить на систематические запросы точного знания.

Вот те логические основания, по которым Коген отводит центральное место в первой части Кантовой критики не трансцендентальной эстетике и не дедукции категорий, а *учению об «основоположениях чистого рассудка»*. Здесь и категории и формы чистого созерцания (пространство и время) выводятся из того состояния одиночности и изолированности, в каком их рассматривает «трансцендентальная эстетика» и аналитика понятий, и вступают в теснейшие взаимные связи и сочетания. И только в этих связях и сочетаниях раскрывается подлинная «трансцендентальная» сущность категорий: из искусственного обособления элементов знания они превращаются в объективные определения предмета опыта, в «основоположения» научного знания, определяющие его логическую структуру и осуществляющие в себе неразрывное единство его формы и его содержания.

Однако «основоположениями чистого рассудка» не исчерпаны все трансцендентальные условия научного знания. Основоположения достаточны для обоснования математики и математического естествознания. Но эти дисциплины не захватывают предмета опыта во всей его конкретной полноте, а ограничиваются только изучением самых общих и основных форм определяющих его закономерностей. Бесконечное разнообразие явлений природы не растворяется без остатка в принципах механики. В особенности проблема органического мира нуждается для своей научной обработки в новом, немеханическом принципе. Систематическая тенденция объективного знания не позволяет поэтому остановиться на одной только математике и физике, а требует расширения его за пределы этих дисциплин, установления новой группы наук, которая изучала бы не исчерпанные первой группой стороны эмпирической действительности. Таким об-

разом, к математическому естествознанию присоединяется в виде необходимого его дополнения *описательное естествознание*, которое имеет своим объектом органическую природу. Принцип, на который оно опирается, — формальной целесообразности. В самом широком смысле он означает зависимость частей от целого, обусловленность элементов логического многообразия от их систематического единства. Логическая значимость этого принципа поэтому не ограничена областью одних биологических наук. Как «идея чистого разума», он требует не только восполнения математического естествознания описательным, но вообще завершения всего научного знания в единой всеобъемлющей системе наук. Действительно, всестороннее и исчерпывающее познание природы способна дать одна лишь совокупность не только эмпирически существующих, но всех вообще возможных наук. Но эта совокупность не может равняться простой сумме разнообразных научных сведений, а должна вылиться в форму самодовлеющей системы знания, ибо объектом ее служит не случайное многообразие разрозненных явлений, а природа как единое завершенное в себе целое.

Правда, такая система наук как в целом, так и в частях эмпирически неосуществима; вследствие бесконечности и неисчерпаемости опыта она остается недостижимым идеалом, вечным заданием для научного мышления. Но именно в этой *идеальности и сверх-эмпиричности* заключается фундаментальное значение принципа систематического единства: он преодолевает односторонность и ограниченность конститутивной категориальности и служит знанию «регулятивной» идеей, т. е. той конечной, идеальной целью, которая определяет все его принципы и методы исследования.

Таким образом, согласно концепции Когена, в идее чистого разума находит свое логическое завершение та систематическая тенденция, из которой выросли основоположения чистого рассудка. Учение об идеях составляет систематическое средоточие второй части Критики — «трансцендентальной диалектики». В нем поэтому должно искать, по мнению Когена, и решение труднейшей проблемы кантовской диалектики — *проблемы вещи в себе*. В толковании феноменализма вещь в себе есть прежде всего отрицательное понятие, обозначающее границу человеческого познания, дальше которой оно идти не может. Эта граница устанавливает непримиримый дуализм двух миров: имманентного мира явлений и трансцендентного мира вещей в себе. Однако с систематической концепцией критической философии допущение такого дуализма не может быть совмещено. Во всеобъемлющей, самодовлеющей системе знания нет места понятию абсолютной трансцендентности (вещи в себе). Для устранения этого противоречия Когену остаются только два выхода: либо совершенно изгнать из критической философии понятие вещи в себе, либо приписать ему такое значение, которое дало бы возможность вскрыть за противоположностью вещи в себе и явления их внутреннее систематическое единство. Следуя указаниям Канта учения об идеях, Коген избирает этот второй путь.

Логическое содержание понятия вещи в себе — если отвлечься от его метафизической подкладки — исчерпывается двумя неразрывно связанными признаками: абсолютной объективностью и полной независимостью от сферы субъективного бытия. Но эти же самые признаки определяют также и то понятие знания, которое систематическая философия должна считать своим вечным идеалом: знания, вполне адекватного своему объекту, т. е. знания, которое целиком складывается из определения самого объ-

екта и не заключает в себе никаких посторонних, субъективных элементов. Можно поэтому утверждать, что в конечном итоге идеалом объективного познания является познание вещи в себе. В этом смысле вещь в себе (или ноумен) означает не что иное, как объективную сторону регулятивной идеи разума, идеи совершенной системы наук. Поскольку осуществление этой системы лежит вне пределов эмпирической действительности, постольку и вещь в себе *трансцендентна* по отношению к положительному знанию. Но, с другой стороны, она ему *имманентна*; именно как движущая цель, как конечный и вместе с тем бесконечно далекий идеал, постепенно осуществляющийся в непрерывном прогрессе научного знания.

Вот основные мотивы того «научного» идеализма, в котором Коген находит подлинный смысл учения Канта. В этих мотивах уже намечается в общих чертах вся философская программа Марбургской школы. Правда, в «Кантовой теории опыта» оригинальные воззрения Когена еще не получили вполне адекватного выражения; здесь он еще всячески приурочивает их к терминологии и архитектонике «Критики чистого разума»; здесь он еще ограничивается *толкованием* Канта, выдвигая лишь повсюду логически-систематическую сторону его учения. Однако последовательное проведение именно этой точки зрения заставляет его наконец выйти за пределы кантовских традиций и построить на новых началах самостоятельную систему философии. Решительный шаг в этом направлении делает его «Логика чистого познания»⁴, вышедшая в 1902 году. В пространственном введении Коген выясняет главнейшие систематические недостатки кантовской гносеологии, вкратце намечает те пути, по которым должно идти дальнейшее развитие исто-критического научного идеализма⁵ и по которым движется и «Логика чистого познания».

Самое серьезное затруднение для идеалистической философии, исходящей от Канта, представляет понятие *данности*. Кант различает в составе знания два разнородных элемента: один — категориальные синтезы — есть вклад самого мышления; другой — чувственное многообразие — дается мышлению извне в формах чистого созерцания. Иначе говоря, чувственное многообразие происходит, по Канту, из другого источника, чем категориальные синтезы, и потому как таковое не подлежит ведению логической мысли.

Уже ближайшие преемники Канта заметили, что допущение подобной двойственности в составе знания в корне подрывает его внутреннее единство. Между совершенно разнородными и независимыми друг от друга элементами необходимой систематической связи быть не может; ибо всякий логический синтез требует для своего осуществления полной коррелятивности, т. е. взаимной обусловленности и зависимости объединяемых им элементов. Это значит: он требует, чтобы единство было единством многообразия и многообразие — многообразием единства, словом, чтобы один и тот же логический акт порождал оба члена логического соотношения. Следовательно, со строго логической точки зрения чувственное многообразие должно быть рассматриваемо как данное мышлению в таком же смысле, в каком и категориальное единство — в смысле *задания или проблемы*. Только тогда, когда мышление безусловно автономно, когда оно не принимает никакой другой данности, кроме данности самого задания, самой проблемы, им самим же ставленной и разрешаемой,

⁴ Cohen H. Logik der reinen Erkenntnis. В., 1902. — Прим. ред.

⁵ Исто-критического научного идеализма — здесь в смысле подлинно критического научного идеализма. — Прим. ред.

только тогда оно носит исто-систематический⁶ характер и способно построить и обосновать самодовлеющую систему наук. Предположение какой бы то ни было другой данности сразу нарушает его самостоятельность и сводит на нет систематическое единство порождаемого им знания.

Данность — основное понятие догматической теории знания. Критическая гносеология заменяет его понятием *проблемы*. Проблема есть прежде всего единство проблемы. Но это единство разворачивается в множественность частных проблем. Другими словами, критическая философия не *предполагает*, а *построяет* как единство предмета, так и многообразие его определений. Если положительные науки и допускают, каждая в своих пределах, некоторые абсолютные непроблематические данности, т.е. такие предположения, которые они принимают без дальнейшего доказательства, то делают это только потому, что в силу своей собственной ограниченности они вынуждены предоставить обоснование и оправдание этих предположений другим, более объемлющим наукам. В системе же наук, т.е. в области философии, вместе с ограничениями понятия проблемы исчезает и последняя видимость абсолютной непроблематической данности; она целиком растворяется в понятии проблемы. В этом смысле должно вышивать и требуемое трансцендентальной точкой зрения ориентирование философии на факт науки. Факт науки превращается для нее в проблему науки вообще как единого систематического целого.

Таким образом, понятие проблемы приобретает значение руководящего начала во внутреннем развитии научного идеализма. В нем пресекаются и преломляются все определения истинного (систематического) знания. Выше мы уже указали, какой критерий научный идеализм прилагает к точному знанию: оно сплошь должно быть порождено мышлением. Это значит: оно возможно лишь там, где достижима полная *логическая определенность и однозначность*. Вот это требование логической определенности и фиксируется в понятии проблемы; мало того, оно реализуется через его посредство в научном и философском знании. Проблема ставит вопрос о трансцендентальных условиях возможности объекта и прокладывает путь к его решению, т.е. к установлению определяющих структуру объекта логических закономерностей. Чистое знание поэтому должно быть сплошь проблематично; ибо только сплошная проблематичность способна обеспечить непрерывность логических связей, обуславливающих его определенность и однозначность. Логические элементы не могут входить в состав знания наподобие частиц, вкрапленных в неоднородную с ними среду; иначе в самом знании наличествовали бы логические неопределенности, т.е. полосы незнания. И далее: логические элементы не могут быть ничем иным, кроме *логических связей и отношений*, и потому допущение их прерывности и разобщенности было бы равносильно их отрицанию и уничтожению их логической сущности. *Непрерывность* — неотъемлемый признак чистого мышления; это — закон, который обосновывает все вообще возможные закономерные связи в составе научного знания. Непрерывность поэтому служит основной характеристикой того принципа, который Коген провозглашает путеводной звездой своей логики: принципа или суждения⁷ изначала (Ursprung). Этот принцип в сжатой формуле содержит квинтэссенцию научного идеализма. Он требует, чтобы все

⁶ Исто-систематический характер — здесь в смысле истинно, имеет подлинно систематический характер. — *Прим. ред.*

⁷ Кантовским «основоположениям» по существу отвечают в логике Когена различные «классы суждений».

многообразие логических определений объекта знаний проистекало из единого источника и чтобы это единство происхождения логических элементов сохраняло свою силу, свою руководящую роль на всех ступенях развития объективного знания. Выполнение же этого требования, т.е. полное взаимное проникновение единства и многообразия или, выражаясь иначе, логических актов объединения и расчленения, синтеза и анализа зависит от наличности одного условия: от сплошности логических связей, т.е. возможности непрерывных переходов от единства к множеству и обратно — от множества к единству.

Из этой характеристики принципа изначально уже явствует что в конечном итоге это — тот же принцип систематического единства, который был нами сформулирован в начале настоящего очерка, лишь приспособленный к задачам философской логики, т.е. углубленный и обогащенный двумя основными определениями объективного знания: *проблематичностью и непрерывностью*. В этих двух определениях заключается фундаментальное логическое преимущество систематической концепции Когена перед учением Канта. В принципе изначально спаяны воедино два самостоятельных кантовских принципа, не сведенных в «Критике чистого разума» к высшему единству: с одной стороны, регулятивная идея как принцип систематического единства и трансцендентальная апперцепция, с другой — как последняя основа категориальных синтезов. Действительно, кантовское учение об идеях чистого разума покоится на признании бесконечности и неисчерпаемости предмета опыта. Напротив, аналитика понятий и основоположений чистого рассудка исходит из факта математического естествознания (Ньютоновой физики) как из завершенной в себе и потому конечной системы знания. Только на почве такого предположения была возможна сделанная Кантом попытка дать исчерпывающий перечень всех вообще возможных в научном знании категориальных синтезов. Однако историческое развитие математики и физики за последнее столетие представило неопровержимое доказательство тому, что эти науки, несмотря на свойственную им точность и априорность, подтверждены такой же эволюции, как и чисто эмпирические науки, т.е. эволюции, которая не исчерпывается одною лишь разработкой детальных вопросов, но захватывает в такой же мере и глубочайшие их основы. Вот почему прогрессу научного знания должен соответствовать такой же бесконечный процесс выявления новых категориальных форм и синтезов.

Отсюда вытекает необходимость той поправки, которую Марбургская школа вносит в учение Канта. Не на факт науки должна ориентироваться философия, ибо факта науки как завершенной в себе данности нет, — а в процессе ее постепенного становления (*fieri*) и развития. И не действительная наука может руководить философией — это привело бы либо к полному упразднению ее самостоятельного значения, либо вернуло бы ее в докритическое состояние, — а только раскрывающаяся в развитии наук *идея научности*. В этом — критическое значение понятия проблемы: оно предохраняет философию от всяких уклонений в сторону эмпирического позитивизма или беспочвенного догматизма. Научное знание — вечная проблема. Это значит: оно по существу проблематично, потому что его объект бесконечен, и оно никогда не достигает окончательных результатов. Всякий ответ рождает дальнейшие вопросы, и всякое решение чревато новыми, более глубокими заданиями.

Наконец, из проблематического характера научного знания проистекают еще две другие свойственные ему черты: его *методологичность и гипотетичность*. — Если знание никогда не достигает полного систематическо-

го завершения, то ему не может быть доступна полная адекватность предмету опыта. Оно лишь приближается к нему как к своему трансцендентному пределу. Постепенный прогресс науки представляет как бы тот путь, который ведет к объекту; отдельные стадии его развития — этапы этого пути. В этой незавершенности знания кроется последняя причина его методологической окраски. Оно не столько схватывает самый объект, сколько указывает путь (μέθοδος) к полному его постижению. И принципы знания поэтому прежде всего — орудия, *методы*, ценность и значение которых обусловлены их пригодностью для определения конкретных явлений действительности. Методологический характер знания отнюдь не противоречит его объективной значимости; наоборот, его методологичность и объективность находятся в неразрывной коррелятивной зависимости. В методологичности знания выражается его непосредственная направленность на противоположащий ему объект. И объективность его, с другой стороны, обеспечивается ничем иным, кроме как его методологичностью.

Дальнейшая характеристика научного знания — его *гипотетичность*. Раз установлено, что сущность знания заключается в его систематическом единстве, то логический центр его необходимо должен определяться не тем или другим из образующих его факторов, взятых в отдельности, т.е. не только его последними принципами, но и не исключительно его фактической стороной, а взаимною связью и внутреннею согласованностью того и другого момента. Принципы и факты связаны не отношением односторонней, однобокой зависимости, а отношением строгой коррелятивности и взаимной обусловленности. Принципы объясняют и обосновывают факты, подчиняя их общим закономерным связям. Но, с другой стороны, и факты служат критерием истинности и методологической плодотворности принципов; только очная ставка принципов с фактами способна выяснить, насколько они удовлетворяют своему назначению — объяснению всего многообразия конкретного бытия. Всякое открытие новых фактических данных, всякое расширение и уточнение научных исследований отражается поэтому не только на экстенсивном росте знания, но ведет также неизбежно к перестройке его логического фундамента, к преобразованию его методологических начал и предпосылок. Следовательно, логическая значимость принципа остается всегда относительной; она обусловлена качественным составом подведенного под него многообразия фактов. Вот в этой относительности логических принципов и обнаруживается их гипотетический характер. Они — гипотезы (ὑποθέσις), но не в смысле простой догадки, лишенной объективной достоверности, или рабочей гипотезы, обслуживающей исключительно практические интересы науки, а в том смысле, в каком употребляет этот термин Платон в применении к идеям, т.е. в смысле основоположений, на которых зиждется объективная достоверность и внутреннее единство научного знания⁸.

Правда, на первый взгляд может показаться, что признание за логическими принципами лишь относительной, гипотетической значимости ведет

⁸ Эта концепция идеи составляет — согласно толкованию Марбургской школы — внутреннюю пружину Платонова идеализма. Историческое и систематическое значение его поэтому должно быть учитываемо не по теории о двух мирах (чувственном и умопостигаемом), а по учению об *идее-гипотезе* как логической основе истинного знания. Платон — родоначальник того научного идеализма, который, снова возродившись в эпоху Ренессанса, проходит красною нитью через учение Декарта и Лейбница и, наконец, достигает своего систематического завершения в лице Канта.

роковым образом к абсолютному релятивизму, сближающему логический идеализм с противоположной ему точкой зрения — с эмпирическим прагматизмом. Однако между этими двумя формами релятивизма лежит непреодолимая пропасть. В одном случае релятивизм основывается на предположении ненужности и бесполезности для практических целей человеческого познания какого бы то ни было безусловного и безотносительного начала. В другом — оно проистекает, наоборот, из категорического требования абсолютно достоверной, негипотетической основы знания. Требование это ограничивается лишь критической оговоркой, признающей, что в пределах положительного знания оно не может быть вполне удовлетворено, т.е. что наука никогда не доходит до таких логических начал, в которых не было бы ни малейшего остатка условности и относительности. Неосуществимость этого требования, однако, отнюдь не делает его иллюзорным и не лишает его всякого логического значения. Оно остается вечной проблемой, вечным постулатом, находящим свою реализацию не в тот или другой момент исторического развития философии и науки, а в самом процессе бесконечной и в своей бесконечности незавершаемой эволюции знания.

Основные систематические линии научного идеализма Марбургской школы теперь нами намечены. Однако за дальнейшим их развитием в построениях Когена и его последователей *мы следить не будем*. В узких рамках нашей статьи это была бы невыполнимая задача, тем более, что в таком случае пришлось бы упомянуть и о философских разногласиях между отдельными представителями Марбургской школы, которые сейчас не представляют для нас существенного интереса. Мы обратимся поэтому к другому вопросу, имеющему для научного идеализма решающее значение: как осуществляет он в логике выставленное им самим требование ориентирования философии на точную науку? И каковы доказательства, приводимые им в пользу того, что указанные выше систематические мотивы относятся не только к области отвлеченного философского умозрения, но проникают также в конкретную проблематику положительных наук, словом, что их философское значение представляет лишь оборотную сторону, необходимый коррелят их научного значения? Прежде всего вопрос этот касается (как это было у Канта) той отрасли знания, которая, служа необходимой предпосылкой всех остальных наук, вместе с тем являет собою образец точного и объективно достоверного знания: *математики* и математической части *физики*. В многочисленных логических исследованиях Марбургской школы, относящихся к этой области, заключается, несомненно, одна из крупнейших ее заслуг, которую придется особенно отметить будущему историку философии: она впервые ясно и определенно поставила вопрос о логических основах современной математики и физики и вместе с тем дала образцы планомерной и методической его разработки. В следующем мы ограничимся, конечно, лишь указанием важнейших, относящихся к этой проблеме, пунктов.

III

Коренное отличие современной математики от античной, отличие, которому она обязана своим быстрым развитием и методологическим превосходством, основано всецело на признании ею одного принципа, который Античности остался навсегда чуждым: *принципа бесконечного*. К открытию и установлению его привели не одна, а целый ряд проблем, относящихся к различным отраслям математической науки. В арифметике это

была проблема ряда (иррационального числа), в геометрии — проблема касательной, в механике — проблема движения. Все эти проблемы ведут свое начало из древности. Но античная математика не могла дать на них удовлетворительного ответа; она стояла еще целиком на почве Архимедова принципа, по которому объектом математики может быть только то, что доступно точному измерению. Это определение, а *limine* исключающее из ведения математики бесконечное, раз и навсегда отрезало научной мысли Античности путь к разрешению целого ряда основных проблем, неразрывно связанных с понятием бесконечности, прежде всего к решению проблемы непрерывного. Раз подчинившись принципу Архимеда, она никогда более не могла выйти за пределы прерывного и дискретного бытия.

Прямо противоположную точку зрения занимает современная математика. Отвергнув безусловную обязанность Архимедова принципа, она не только признала математическую правомерность понятия бесконечного, но вместе с тем провозгласила его руководящим началом, основным методом всех применяемых ею способов счисления. Прежде бесконечное мыслилось как понятие преимущественно отрицательное, уничтожающее и поглощающее в себе определенность (измеримость) конечного. Теперь оно приобрело новое положительное значение: высшего начала, порождающего из себя и определяющего собою мир бесконечного бытия.

Впервые право гражданства в математике было признано за понятием бесконечного Лейбницем, у которого оно и получило в дифференциальном счислении точную математическую формулировку. Правда, первоначально в более узком значении *бесконечно малого*. Дифференциал как бесконечно малое, согласно определению Лейбница, — есть то, что предшествует всякому протяжению, что само еще не есть количество, но вместе с тем уже заключает в себе закономерность всякого количества и всякого протяжения. Новейшие исследователи Кантора, Веронезе⁹ и других не только подтвердили, но и значительно расширили и обобщили установленное Лейбницем положение. Они показали, что не только бесконечно малому, но и в такой же мере и *бесконечно большому* может быть присвоено строго определенное математическое значение, что введение принципа бесконечного в математику значительно расширяет круг доступных ей проблем и открывает ей путь к обнаружению тех основных методологических нитей, которые могли бы связать все ее разрозненные части в одно стройное систематическое целое.

Где же логические корни научной плодотворности этого принципа и каково вообще логическое значение этого внутреннего преобразования, которое испытала под его влиянием математика? — Вполне справедливо указывают на то, что современная математика, в противоположность античной, отличается *качественным*, а не количественным характером. Действительно, сущность числа она усматривает не в его количественной исчислимости, а в свойственной ему *качественной закономерности*. Ибо однозначная определенность и отличимость числа обусловлена исключительно этой качественной закономерностью и не зависит вовсе от его количественного значения (его конечности и бесконечности). Всякое число необходимо входит как член в какой-нибудь закономерно построенный ряд чисел и занимает в нем определенное место. Если известен закон ряда и даны отношения искомого числа к остальным его

⁹ Имеется в виду Джузеппе Веронезе (1854—1917), знаменитый итальянский математик, один из основоположников проективной геометрии гиперпространств. В своих «Основаниях геометрии» во многом пришел к тем же выводам, что и Д. Гильберт. — *Прим. ред.*

членам, т.е. отношения, которыми обуславливается занимаемое им в данном ряде место, то, независимо от его количественного значения, выполнены все условия, которые необходимы и вместе с тем достаточны для его полного и исчерпывающего определения. Количественные же значения математических чисел и величин (их исчислимость и измеримость) представляют лишь частные случаи их качественных значений и потому применимы только в пределах конечного. Что это так, т.е. что принцип Архимеда, действительно, не охватывает всей сферы математического бытия, а имеет силу лишь в ограниченной ею части, явствует уже из того, что, даже оставаясь в границах конечных рациональных чисел, математика сплошь и рядом наталкивается на такие задачи, которые, без выхода за пределы конечного, либо вовсе не разрешимы, либо разрешимы только при допущении некоторой погрешности, противоречащей самому существованию математики как точной науки (например, когда в результате арифметических действий над конечными рациональными числами получаются иррациональные или мнимые числа). Вместе с введением принципа бесконечного в математику сразу устраняются все эти затруднения. *Sub specie infiniti*¹⁰ раскрывается полная независимость основных законов математического объекта от его количественных определений, математика освобождается от условных ограничений, которые налагает на нее сфера конечного, и понятие числа, благодаря сведению всех количественных определений к обосновывающим их качественным закономерностям, расширяется до тех пределов, которые отвечают его истинной логической сущности. Только при помощи этого нового орудия — принципа бесконечного — математика прокладывает себе путь к исчерпывающему анализу понятия числа и установлению всех вообще возможных его разновидностей. Прерывность дискретного числа растворяется теперь в сплошности непрерывных величин, и ряд целых рациональных чисел разрастается в систему рядов чисел, связанных между собою постепенностью переходов и строго определенной закономерностью взаимных отношений. Словом, повсюду, где царила простая рядоположность и случайная разрозненность, водворяется теперь непрерывная связность и систематическая законченность.

Всеми этими успехами математика обязана исключительно принципу бесконечного. В этом его научно-методологическая ценность и в этом же его трансцендентально-логическое значение. В области математики он осуществляет тот же самый систематический мотив, который в логике приводит принцип изначала. Вернее, он есть не что иное, как этот самый принцип, облеченный в математическую форму и примененный к математическому бытию. Вот почему ему присущи функции подлинно систематического начала: порождения многообразия элементов из единого источника (дифференциал как закономерная основа непрерывных величин) и объединения их в одном завершенном в себе целом (интеграл как совокупность членов ряда). В этом смысле принцип бесконечного действительно «созидает» реальность математического объекта как объективно необходимого и автономного (т.е. обладающего своей собственной закономерностью) образования научного мышления.

Итак, мы видим, что анализ методологической структуры математического принципа бесконечного приводит нас обратно к его логическому источнику — к принципу изначала. Да иначе и быть не может. Если логика

¹⁰ *Sub specie infiniti* (лат.) — по форме бесконечного числа. — Прим. ред.

чистого познания избрала своим лозунгом ориентирование на точной науке, то это относится прежде всего к математике. И потому именно математическое понятие бесконечного послужило образцом для логической формулировки принципа означала.

Эти общие выводы, вытекающие из анализа понятия бесконечного, не изменятся по существу, а получают еще новое подтверждение, если мы рассмотрим знание с другой точки зрения, которая обыкновенно считается исключительной принадлежностью так называемой формальной логики: с точки зрения практикующегося математикой *образования понятий*. И в этом вопросе расходятся взгляды Античности и Нового времени. Согласно традиционному учению логики, восходящему к Аристотелю, общие понятия, которыми оперирует наука, представляют результат сравнения сходных между собой предметов, выделения общих им признаков и отвлечения от их индивидуальных различий. Эта абстракционная теория в самом корне эмпиристична. Она предполагает существование внешних объектов как самоудовлеющую данность и ставит логический акт образования понятий в безусловную зависимость от их воздействия на познающего субъекта. К математике как к чисто конструктивной науке, не опирающейся в своих построениях на непосредственные данные опыта, абстракционная теория применима только с большой натяжкой. В области арифметики, например, она способна объяснить разве только возникновение понятия целых рациональных конечных чисел. Уже при объяснении отрицательных и дробных чисел она наталкивается на непреодолимые затруднения. Но с полной очевидностью обнаруживается ее логическое бессилие при сопоставлении с такими математическими понятиями, какими по преимуществу орудует современная математика. Ведь в эмпирической действительности нельзя указать ничего такого, что было бы адекватно или представляло хотя бы малейшее сходство с мнимыми и иррациональными числами, дифференциалом или интегралом и т. д. Тем не менее вплоть до последнего времени эмпирические предубеждения настолько прочно держались в научном мышлении, что и математики, и логики отказывались признавать за этими новыми разновидностями понятия числа такое же объективное значение, такой же реальный смысл как за целыми рациональными числами, и рассматривали их как чисто условные символы, которые, правда, пригодны для математических операций, но которые при переводе математических формул на язык действительности утрачивают всякую значимость.

Однако при такой концепции числа остается совершенно непонятным и загадочным, почему реальный смысл математических символов внезапно испаряется, как только мы переступаем границу конечных рациональных чисел, тогда как переходы от одной группы чисел к другим совершаются по имманентным им законам, без всяких скачков, с нигде не нарушаемой непрерывностью. Непонятно также, каким образом эти математические символы, лишенные реального смысла, могут служить точным выражением таких объективных явлений, какие представляют собою пространство, движение в пространстве и т. п. Все эти по существу неразрешимые недоумения возникают, конечно, только в том случае, если исходить из эмпирического взгляда

абстракционной теории, по которому все вообще математические операции в конечном итоге сводятся к счету данных мышлению извне предметов.

Но теория эта помимо указанного недостатка страдает еще и другим существенным пороком: она предполагает именно то, что подлежит объяснению. В самом деле, сам акт сравнения объектов и определения их сходства оказался бы невыполним, если бы в его основу не была положена известная точка зрения, т. е. если бы заранее не было установлено то направление, в котором будет идти процесс сравнения, тот распорядок, в котором будут располагаться сравниваемые объекты. Вот эта точка зрения, это направление, этот распорядок и есть то логически-новое, что не «дается» мысли вместе с отдельными объектами, а осуществляется в познании лишь через посредство самопроизвольного акта самого мышления. Абстракция в процессе образования понятий — момент вторичный и логически несущественный. Ибо задача научного познания — не разобщать общие и единичные признаки объектов, а раскрывать их необходимую связь, не игнорировать индивидуальные различия конкретных явлений, а выводить их из управляющих ими общих законов. Если же ограничить логическую функцию понятия исключительно изолированием общих признаков, то это неизбежно ведет к разрушению внутреннего единства общего и единичного, и все отвлеченные понятия превращаются в подобия каких-то самостоятельных субстанций, которые, с одной стороны, совершенно оторваны от мира действительности, но, с другой стороны, именно ему обязаны всем своим, правда крайне бедным и неопределенным, содержанием. Для объективного знания подобные субстанциализированные абстракции не могут иметь ни малейшей ценности. Да они никогда и не служили орудием точной науки и если когда-либо вообще оказывали на нее влияние, то только в отрицательном смысле, как моменты, тормозившие ее внутреннее развитие (как об этом свидетельствуют судьбы понятия бесконечного в истории математики).

Напротив, те понятия, которые исконно руководили эволюцией науки и которым она обязана своей объективной достоверностью, обладают совершенно иной логической структурой. Структура эта, однако, долго оставалась незамеченной, и только методологии современной математики удалось вполне выяснить ее специфические особенности.

Выше мы уже указывали на то, в чем современная математика усматривает основную характеристику понятия числа: не в том, что оно является якобы символом отвлеченных от предметов опыта свойств, а в той внутренней закономерности, которая ему свойственна как самостоятельному образованию научного мышления. Она не интересуется количественным значением отдельных чисел, а рассматривает их, прежде всего, как частные случаи известных общих математических отношений, порождающих из себя законосообразно построенные ряды чисел. Итак, основная характеристика числа — это его принадлежность к ряду однородных чисел. Его количественное значение, с этой точки зрения, признак вторичный, относительный, ибо зависит целиком от того места, которое оно занимает в том или другом ряде чисел. Вот почему ряд как целое, как совокупность закономерно связанных между собою чисел логически первее каждого входящего в него члена (числа), взятого в отдельности. — Каково же математическое значение этих численных рядов? Каждый из них представляет не что иное, как развитие известной математической функции, т. е. содержит в себе совокупность всех тех количественных значений, которые последова-

тельно принимает данная функция в пределах, предначертанных управляющим ею законом. Следовательно, последнюю основу понятия числа составляет понятие математической функции, т.е. законосообразности математических отношений. Все математические, все числовые понятия — по существу *функциональные понятия, понятия отношений*. Доказательством тому служит вся современная математика. Признание функциональной сущности понятия не только устраняет все затруднения, которые с абстрактной точки зрения вызывают понятия бесконечного, иррационального и прочего, но выясняет также логическую возможность и даже необходимость полной математической равноправности этих новых видов чисел с конечными рациональными числами. Ведь сущность математической функции зависит не от того или другого доступного ей количественного значения, а исключительно от качественного характера, определяющего ее количественные изменения закона.

Функциональная структура понятий не составляет специфической особенности чистой математики (арифметики, алгебры). Она свойственна в одинаковой мере и ее остальным отраслям, а также области математически обоснованного естествознания. Не только понятие отвлеченного члена, но также и основные понятия геометрии, механики, физики, химии (как, например, понятия пространства, времени, атома, химического элемента) постепенно утрачивают в современной науке (или уже утратили вполне) свой субстанциальный характер и превращаются в функциональные понятия, в понятия отношений. В области геометрии первый шаг в этом направлении сделал Декарт, которому удалось при помощи открытой им аналитической геометрии свести основные отношения пространства на отношения чисел. Впоследствии дифференциальная и проективная геометрии и новейшие учения о пространственных многообразиях высшего порядка завершили этот логический процесс, представив исчерпывающее доказательство тому, что все пространственные образования, равно как и само пространство, целиком сводятся для научной мысли к известным функциональным отношениям, точнее, к различным типам функциональных отношений, находящих свое адекватное выражение в закономерно развивающихся рядах численных значений.

То же самое мы видим в *механике*. И здесь понятиям пространства и времени приписывается значение не реальных вместимостей сущего, а последних координат той системы отношений, которой определяются все вообще возможные в природе формы движения. — Точно так же и понятие *атома* не служит символом какой-нибудь вещи в себе, а исполняет лишь логическую функцию субстрата, объединяющего собою совокупность тех фундаментальных динамических отношений, на которые разлагаются сложные явления физического мира. Атом физики не есть атом-субстанция, а атом как элемент системы атомов. — Не иначе трактуется физикой и понятие *энергии*. Научное значение его не в том, что в нем раскрывается внутренняя сущность материи, а в том, что оно фиксирует известную закономерность (эквивалентность) в соотношении различных групп физических явлений.

Примеру физики следует и *химия*. И она рассматривает элементы не как отдельно существующие материальные субстанции, и исключительно как различные функциональные значения тех типовых соотношений химических свойств, которые развертываются в периодической системе элементов. — Этот перечень можно было бы еще значительно пополнить. Но

и приведенных примеров вполне достаточно для выяснения научно-методологического значения функциональных понятий. Значение же это коренится в самом существе их логической структуры, т. е. в том, что они удовлетворяют основному логическому требованию — требованию систематического единства.

В самом деле, коренной недостаток абстракционной теории — в ее дуализме; она разобщает общее и единичное. Чем шире объем понятия — говорит она — тем беднее и ограниченнее его содержание. Но если вместе с ростом общности понятия растет и его неопределенность и отдаленность от полноты конкретной действительности, то самые общие понятия должны, очевидно, обладать наименьшей познавательной ценностью. Итак, с точки зрения абстракционной теории весь процесс обобщения и образования отвлеченных понятий представляется совершенно непригодным для целей объективного познания. Напротив, в функциональных понятиях общее и единичное объединены отношением полной имманентности и взаимного проникновения. Общее есть закон единичного, необходимое условие его эмпирической реальности; а единичное есть экземпляр, частный случай общего закона, один из возможных случаев его конкретного осуществления. В функциональных понятиях общность не покупается ценой оскудения содержания и утраты однозначной определенности. Напротив, оно само есть высшая определенность, последний источник определенности единичного. Объем и содержание функционального понятия не связаны отношением отрицательной зависимости, а наоборот, содержание понятия (т. е. выражаемый им закон) определяет в положительном смысле его объем (т. е. пределы конституируемой им группы объектов).

Итак, мы видим, что проблема образования общих понятий сводится в конечном итоге к одному основному вопросу: как должно быть мыслимо отношение общего к единичному? Абстракционная теория решает его в дуалистическом смысле: она противопоставляет общее единичному как неоднородное и потому обособленное от него начало. *Функционализм* выдвигает другую точку зрения: он понимает отношение общего и единичного как внутреннее логическое единство, т. е. как неразрывную коррелятивность и взаимную обусловленность. Но эта точка зрения (как показывают вышеприведенные примеры) может быть последовательно проведена только в том случае, если предположить безусловное *логическое первенство* понятия как сложного целого, как синтетического единства, как непрерывной в себе совокупности элементов перед отдельными элементами объединяемого и определяемого им многообразия. Эта основная предпосылка функционализма, в которой заключается его *raison d'être*¹¹, как видно, — прямой вывод из высшего философского принципа систематического единства. А потому и научная его плодотворность — непосредственное следствие его философски-систематической обоснованности. Отсюда явствует вместе с тем, что функциональные понятия не составляют отличительной особенности математики и математической физики, а являются достоянием всякого исто-научного¹² знания. Каждое понятие, притязующее на научное значение, должно быть по своей логической структуре функциональным, т. е. должно представлять собою подобие, частный слу-

¹¹ *Raison d'être* (фр.) — обоснование. — Прим. ред.

¹² Исто-научного знания — подлинно научного знания. — Прим. ред.

чай, конкретное применение идеи системы к той или другой ограниченной области знания, к той или другой научной проблеме.

Конечно, не все научные понятия логически вполне однородны. Основные понятия математики существенно отличаются от таких же понятий естественно-научных дисциплин, как, например, биологии. Вместе с усложнением проблемы науки усложняется, развивается и дифференцируется и логическая структура системы — понятия. Можно даже утверждать (как это делает Коген в своей логике), что в математике только еще намечается систематическая тенденция понятия, полного же развития и завершения она достигает в той отрасли естествознания, которая имеет своим объектом не отдельные стороны предмета опыта, а *весь* предмет как *конкретное целое*, т. е. в описательном естествознании и прежде всего в его центральной области, в науке об органическом мире — *биологии*. — Организм определяется биологией как сложное и вместе с тем неделимое целое, как система органов. Функции и строение каждого из них обуславливаются исключительно его отношением к целому, его значением для целого. Но, с другой стороны, каждый орган обладает своей специфической функцией; он не может быть заменен любым другим органом в том же смысле, как, например один член математического ряда другим, ибо между органами существуют не только количественные, но и качественные различия. Таким образом, в расчлененности организма, в качественной дифференцированности его частей впервые сполна раскрывается внутренняя структура системы-понятия. Организму же как системе-понятию отвечает биология как система-наука. Биология изучает организмы не как самодовлеющие единичности, а подчиняет их единицам высшего порядка — родовым группам организмов; группы же эти, связанные между собой непрерывными переходами и единством филогенетического происхождения, она, в свою очередь, объединяет в единой системе, в едином царстве живых существ.

Однако в самом широком своем значении (как логическая непрерывность, как чистое начало) принцип систематического единства не связан границами какой-нибудь отдельной области положительной науки; он является тем последним источником, которым питается объективное знание вообще. Систематической закваской проникнуты в одинаковой мере все моменты, все ступени знания: и понятие, и наука, и система наук. А потому и все эти моменты, и ступени носят на себе печать проблематичности и незавершенности. Не только всеобъемлющая система философии, но также и каждая отдельное понятие, каждая отдельная научная дисциплина знаменуют собою вечную проблему, в постепенном, но никогда не завершаемом решении которой осуществляется бесконечный прогресс объективного знания.

IV

Последние выводы привели нас опять к исходному пункту нашего очерка; но вместе с тем они дают нам ключ к уразумению *гносеологического* смысла изложенных выше систематических построений Марбургской школы.

Логическая сущность объективного знания, как мы видели, заключается в его систематическом единстве. Поэтому и принципы знания, отвечающие своему логическому назначению, должны быть *систематическими* принципами, т. е. должны устанавливать и определять не отдельные элементы знания, а прежде всего их необходимую связь и их внутренние соотношения. Это значит — если подвести итоги всем предыдущим рассуждениям, — что

все принципы знания сводятся и должны быть сводимы в конечном результате на *категории* отношения; ибо только категории отношения могут обеспечить знанию строгую систематичность. Для гносеологической характеристики знания это логическое верховенство понятий отношения имеет решающее значение: оно сообщает знанию вполне определенную *идеалистическую* окраску. В самом деле, если объективное знание строится исключительно при помощи категорий отношения, то ясно, что познавательная ценность каждого его элемента, каждой его ступени обуславливается ее отношением, ее связью со всеми остальными элементами или ступенями знания, словом, что каждому суждению, каждому положению или принципу науки в отдельности может быть приписываемо не абсолютное, а только относительное значение, не безусловная, а только условная достоверность. Эта условность и относительность составляют неотъемлемый признак всякого знания. В пределах положительной науки исчерпывающее познание всех определяющих предмет опыта связей и отношений не может быть достигнуто. Достижимо оно только во всеобъемлющей системе знания. Ей и только ей одной поэтому присуща безусловная значимость, абсолютная объективность и достоверность. Но завершенная система знания — вечный *идеал*, трансцендентной эмпирической действительности; *идеальной* поэтому должна быть и объективная значимость научного знания, т. е. она должна быть мыслима не как реальная данность, а как непрерывно реализующаяся в бесконечном развитии научного знания идея.

Вот, где последние корни научного идеализма Марбургской школы. В противоположность критическому феноменализму он отличается строго *объективным* характером. Девиз его — положение Парменида, провозглашающее тождество бытия и мышления. С одной стороны, это значит, что в пределах опыта объект может быть лишь постольку объектом, поскольку он есть объект познания. Но, с другой стороны, это положение высказывает и обратную мысль, что познание (мышление) есть лишь в такой мере подлинное познание, в какой оно есть познание объекта. Этому требованию отвечает только познание, которое свободно от каких бы то ни было посторонних необъективных элементов, иначе говоря, знание точной науки. Ориентирование на науку является поэтому вернейшим залогом объективности научного идеализма, и вместе с тем оно предохраняет его от догматической односторонности феноменализма и психологизма: т. е. от абсолютизации корреляции субъекта и объекта путем подчинения ей всех конститутивных принципов знания. Корреляция субъекта и объекта с систематической точки зрения есть только одна из тех категорий отношения, которые обуславливают структуру знания, но отнюдь не последнее и основное его условие. Его логическая значимость поэтому не менее условна и относительна, чем значимость всех остальных принципов знания. — Научный идеализм не знает другого абсолюта, другого не-гипотетического начала, кроме идеи *систематического всеединства*.

Послесловие к публикации

Публикуемая статья «Теоретическая философия Марбургской школы» принадлежит *Василию Эмильевичу Сеземану* — мыслителю, идеи которого в последнее время вызывают все больший интерес. Он родился в 1884 году в Выборге. Его отец был шведом, а мать — немкой, но имя его на равных правах принадлежит и европейской, и русской культуре. Вскоре после рождения сына семья Сеземанов переезжает в Санкт-Петербург. До 1902 года он обучается в немецкой гимназии в Петербурге, после этого решает продолжить дело отца, который был врачом. Однако спустя год он оставляет Военно-медицинскую академию и приступает к изучению философии и классической филологии в Санкт-Петербургском университете.

Завершив обучение в нем (1909), Сеземан уезжает в Германию, где в течение двух лет изучает философию, психологию и эстетику в университетах Марбурга и Берлина в духе Когена, Наторпа, Кассирера. Именно в эти годы у него сложились дружеские отношения с Николаем Гартманом — мыслителем, сформулировавшим основные положения так называемой критической (или новой) онтологии.

В 1911 году Сеземан возвращается в Россию и, ожидая вакансии в университете, преподает ряд гуманитарных предметов в гимназиях Санкт-Петербурга. С 1913 года в качестве приват-доцента читает лекции по философии в Петербургском университете. С началом Первой мировой войны он как медицинский работник добровольцем уходит на фронт. По возвращении в Петербург Сеземан продолжает преподавательскую работу. В голодном 1918 году он занимает место доцента в педагогическом институте в Вятке и преподает психологию и педагогику. Через год уезжает в Саратов, где в 1920 году получает звание профессора и одно время работает вместе с Франком и Федотовым. В 1921 году Сеземан возвратился в Петроград.

Позже вместе с семьей ученый выехал в Хельсинки для того, чтобы встретиться с матерью. Назад он не вернулся. Спустя некоторое время Сеземан переезжает в Берлин, где не только зарабатывает на жизнь частными уроками, но и принимает активное участие в общественной и философской жизни русской эмиграции. Он публиковался даже в евразийских изданиях — в качестве примера можно сослаться на его статью «Сократ и проблема самопознания»¹³. Однако в этих его работах нет евразийской идеологии — скорее, там можно обнаружить своеобразную критику западной культуры и цивилизации. По замечанию Флоровского, в те годы «"Евразийские временники" не были еще "партийным" изданием» и участие в них таких людей, как Франк, Сеземан, Арсеньев, свидетельствовало, скорее всего, именно об этом. Также Сеземан принял участие в деятельности Русского научного института в Берлине.

В 1923 году Сеземан был приглашен в открытый годом ранее Каунасский университет. В Каунасе Сеземан получил неплохой и стабильный заработок, что дало ему возможность обратиться к научным занятиям и завершить построение собственной философской системы, основные положения которой отражены в ряде трудов, посвященных актуальным проблемам истории философии, гносеологии, логики и эстетики. И если первые каунасские работы он писал по-немецки и по-русски, то в дальнейшем, достаточно быстро выучив язык, — исключительно по-литовски, что, несомненно, способствовало становлению философской культуры в Литве.

В 1939 году Сеземан вместе с университетом переехал в Вильнюс, где работал до закрытия университета нацистами в 1943 году. Затем он преподавал немецкий язык в русской средней школе в Вильнюсе.

После войны он возвращается к преподавательской работе в университете. В 1950 году Сеземан был обвинен в антисоветской деятельности и сослан в лагерь (город Тайшет Иркутской области). Но и там мужество не покидает мыслителя: он становится постоянным участником интеллектуальных «посиделок» и даже читает импровизированные лекции по истории философии.

Сеземан вернулся в Литву через восемь лет и продолжил активную научную деятельность: в последние годы жизни он преподавал логику на историко-филологическом факультете Вильнюсского университета, перевел на литовский язык трактат Аристотеля «О душе», подверг новой редакции довоенный спецкурс «Проблема свободы», который был опубликован в Литве спустя двадцать пять лет после смерти философа¹⁴. Умер Василий Эмильевич Сеземан 29 марта 1963 года.

Философия Сеземана была заметным явлением в духовной жизни русской эмиграции. Упоминает мыслителя в своей истории русской философии Зеньковский (1948—1950); достаточно подробно его философия разбирается в исследованиях Яковенко (1938) и Лосского (1951). Эти авторы философию Сеземана причисляют к построениям в духе *нового трансцендентализма*, или *трансцендентального онтологизма*. Современные литовские исследователи (А. Лозурайтис, Л. Алинионите) называют его

¹³ Сеземан В. Сократ и проблема самопознания // Евразийский временник. Берлин, 1925. Кн. 4. С. 224—267.

¹⁴ *Sezemanas V. Laisves problema // Problemos*. 39. P. 83—107; 40. P. 103—120; 41. P. 99—118 (1988—1989).

концепцию *критическим реализмом*. В отечественной науке предпринимаются попытки увязать философские построения мыслителя со становлением и развитием *неокантианства* в России (сошлемся на обстоятельные работы В.Н. Белова). Существуют и другие интерпретации.

Творческое наследие Сеземана обширно: ему принадлежат специальные работы по эстетике, истории философии¹⁵. Он подверг детальной философской разработке проблему свободы, дал философское истолкование феномена культуры. Однако глубже всего ученый разработал вопросы, относящиеся к сфере гносеологии, — философским проблемам познания он посвятил несколько сочинений¹⁶.

Следует учесть, что для философа теория познания лишь на первый взгляд кажется вопросом специальным и отвлеченным, менее значимым, чем проблемы этики, эстетики, религии. То место, которое с древности до настоящего времени занимает гносеология в системе философского знания, свидетельствует об обратном.

Самостоятельной дисциплиной, указывает Сеземан, теория познания становится у софистов и позже, в философии Платона и Аристотеля¹⁷. Гносеологический импульс также пронизывает философию Декарта, Спинозы, Гегеля, Канта. Более того, утверждает философ, «всегда, когда рождается новая оригинальная философская система, она своеобразно освещает проблему познания, и ее своеобразие в первую очередь происходит от нового понимания и интерпретации гносеологии». Респектабельность гносеологии предопределяется и тем, что сама философия понимается Сеземаном как закономерное проявление человеческого духа и культуры. К тому же и пример европейской культуры убеждает его в том, что «ни один фактор культуры не проник так глубоко во все другие области культуры и не имеет такого влияния, как познание»¹⁸. В концепции философа познание оказывается процессом, влияющим на становление таких различных сфер культуры, как этика, эстетика, религиозная мистика, мифология.

Именно в связи с интересом Сеземана к проблемам теории познания следует рассматривать и его статью «Теоретическая философия Марбургской школы». Опубликована она была в журнале «Новые идеи в философии» (1913. №5), непериодическом издании, выходившем под редакцией Лосского и Радлова в Санкт-Петербурге. С 1912 по 1914 год в издательстве «Образование» вышло 17 номеров. В отечественной историко-философской литературе отмечается, что наряду с такими изданиями, как «Вопросы философии и психологии» и «Логос», «Новые идеи в философии» стали площадкой для представления русской публике новых течений в гносеологии.

Статья Сеземана открывает этот номер, за ней следуют еще четыре работы (Э.Л. Радлов. Мистицизм в современной философии (с. 35–63); Л. Нельсон. Невозможность теории познания (с. 64–92); П. Наторп. Кант и Марбургская школа (с. 93–132); Р. Эйслер. Сознание и бытие (с. 133–138)).

В.И. Повилайтис

Об авторе

Повилайтис Владас Ионо — канд. филос. наук, доцент кафедры философии исторического факультета Российского государственного университета имени Иммануила Канта, povilaitis@yandex.ru

About author

Dr. Vladas Jono Povilaitis, Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of History, IKSUR, povilaitis@mail.ru

¹⁵ Серьезный обзор печатных и рукописных работ Сеземана представлен в книге *Lietuvos filosofinės minties istorijos šaltiniai*. Vilnius, 1991. Т. 2. Р. 269–288.

¹⁶ Вызывают интерес работы Сеземана, хранящиеся в литовских архивах. Назовем лишь несколько фондов из библиотеки Вильнюсского университета: *Чистая философия*. Гносеология. Метафизика. (VUB RS F 122–96); *О совершенстве и несовершенстве* (VUB RS F 122–98); *Самопознание и объективация* (VUB RS F 122–102) и др.

¹⁷ «В мировоззрении этих философов проблема познания не просто связана с проблемой бытия — она переплетена с ней, даже и отчасти совпадает. Например, в платонизме проблемы познания совпадают с онтологической проблематикой, потому что, по Платону, идеи обладают подлинным бытием. Наряду с этим они оказываются и проблемами этики, потому что мораль — не что иное как познание — познание самого себя. Наконец, родство души с идеями является и основной проблемой религии, потому что от познания идей зависит спасение и освобождение от греха». (*Sezemanas V. Raštai. Gnoseologija*. Vilnius, 1987. Р. 209) (Фрагменты «Гносеологии» даны в нашем переводе. — В.П.).

¹⁸ *Sezemanas V. Raštai. Gnoseologija*. Vilnius, 1987. Р. 210.